

Человек

Рисунки Л. Фалина

Фуад аль-Касуса

(ИОРДАНИЯ)

Солдат остервенело ударил его, приказав замолчать и идти вперед. Сосед возмутился и повысил голос:

— Как вы смеете задерживать меня и бить! Я не знаю подобных законов. Вы что же, намерены отправить меня в тюрьму? — и, улыбаясь, добавил: — Такое возможно только у животных.

Ответом ему был тяжелый удар грязного солдатского сапога, от которого он едва не упал. Но второй солдат удержал его от падения и так сильно сдвинул ему руку, что бедняга застонал от боли.

Из окон и дверей домов высовывались головы людей, чтобы посмотреть, на кого обрушилось несчастье в этот поздний час, и глаза загорались гневом и ненавистью к тем, кто обрек страну на мучения и ужасы террора.

Наш сосед, пытаясь сохранить хладнокровие, сказал с глубокой мольбой:

— Я пойду с вами, куда вам угодно... Только отпустите руку... Вы почти сломали ее... Она ведь не железная!

— Я сломаю ее, будь она хоть из стали, — тихо, но внушительно произнес солдат и еще сильнее сжал пальцы.

— За что? — спросил в изумлении сосед.

Между тем они подошли к дверям полицейского участка, и солдаты вошли туда, подталкивая прикладами свою жертву. Минув узкий коридор, они предстали перед офицером, сидевшим за большим столом, на котором лежали стопка бумаги, толстая палка и автомат, стояли два телефонных аппарата.

При виде их губы офицера раздвинулись в улыбку, сверкнул золотой зуб. Солдаты отдали приветствие, требуемое уставом, и один из них, выпустив руку соседа, сказал:

— Мы встретили этого человека в ночное время. Он показался нам подозрительным.

Лицо офицера приняло суровое выражение.

Звонн... Звонн...

Громко бряцало оружие солдат за спиной нашего соседа. Он попытался было продолжать свой путь, зная, что не совершил никакого преступления, не помня за собой ничего плохого, но солдаты набросились на него. Один из них ударил его в спину прикладом винтовки, другой, как бы упражняясь в приемах современной борьбы, быстро скрутил руки за спиной.

Сосед взглянул на них, и на лице его отразились изумление, страх и растерянность. Он не делал ни малейшей попытки освободиться, а только обратился к солдату, сжимавшему его руки.

— Я не сделал ничего плохого, — сказал он, — я только вышел купить хлеба... Только хлеба... Почему вы меня схватили?

— Замолчи! — ответил солдат, толкая его. — Ты что, не знаешь приказа, не знаешь законов?

Это ничего не объясняло, и сосед повернулся к другому солдату, надеясь, что тот лучше поймет его положение:

— Послушай, брат... Я свободный человек... Ты понимаешь?.. Я родился свободным, и я свободен идти куда угодно и купить, чего я желаю.

— Обыщите его,— приказал он.

Солдаты принялись вытряхивать содержимое карманов арестованного. На столе перед офицером появилось несколько исписанных листочков бумаги, половина старого билета в кино, связка ключей и горсть мелкой монеты.

Офицер поднес к глазам верхний листок. Там стояло несколько имен и против каждого — какие-то цифры.

— Ага! Это твои сообщники? — крикнул он.— Где они? Кто они такие?

— Это мои друзья,— ответил сосед,— а цифры — сумма моего долга. Они помогли мне, когда жена родила последнего ребенка.

— Ты лжешь, несчастный!

Обвинение возмутило соседа.

— Послушай,— воскликнул он,— я свободный человек!.. И это мои карманы, а не твои... Я не запускаю рук в ваши карманы, почему же вы роетесь в моих!?

— Молчать! — заорал офицер, брызгая слюной и вновь обнажая свой золотой зуб. Затем многозначительно взглянул на автомат, чтобы убедить задержанного в серьезности положения.

Но наш сосед не понял намека и просто-душно продолжал:

— Вы не имеете права угрожать мне убийством... Я такой же гражданин, как и вы, и никому не причинил вреда. Наоборот, я люблю свою родину, свой народ. Если ты берешься за оружие, ты должен знать, кто твои враги. Что касается меня, то я люблю жизнь, у меня дети, и я люблю их...

Он не успел договорить — страшный удар сапогом заставил его закричать от боли, и он потерял сознание.

Открыв глаза, он понял, что лежит на полу. С лица и одежды стекала вода. Взгляд его упал на огромные грязные сапоги солдата. Он застонал и стал приподниматься, опираясь на стену и не отрывая глаз от этих сапог. Его губы беззвучно шевелились, как будто он хотел сказать что-то, но не мог. Солдат дал ему воды. Он выпил, не забыв поблагодарить, затем сказал:

— Почему ты бил меня сапогами? Ведь я человек, я достоин называться человеком. Такими сапогами можно пинать только предателей.

Солдат взглянул на свои грязные сапоги и приказал соседу почистить их.

— Послушай,— возразил тот,— пойми — я человек, и со мной должны обращаться, как с человеком... Я уважаю тебя и даже люблю. Но знаешь ли ты, что такое человек? Это луч-

шее творение на земле, любящее жизнь, несущее добро людям... Я не стану чистить твой сапоги!

В тот же миг на его голову посыпались удары грязных солдатских сапог. И только когда изо рта и носа у него хлынула кровь, солдат оставил свою жертву и пошел доложить офицеру, что обвиняемый отказался признаться.

Разгневанный офицер сам отправился в камеру. Арестованный лежал на полу с залитым кровью лицом. Услышав скрип двери, он поднял голову и прерывающимся голосом произнес:

— Я плачу все налоги... Я имею право жить, а не подвергаться избиениям. Мне нужен врач... Врач, вы слышите? Я не хочу умирать под сапогом, как скорпион. Я предпочитаю умереть, защищая свою родину, за свободу своего народа, за мир. Ты понимаешь это?

Его душили слезы и нервный смех, кровь заливала лицо.

Офицер никогда не испытывал добрых чувств к тем, кто говорил о свободе и мире, кто произносил слово «империализм». Сгиснув зубы, он разглядывал арестованного. В это время один из солдат, стоявших поблизости, подошел к офицеру и, откозыряв, зашептал что-то ему на ухо. Затем он покрутил рукой возле головы, как бы давая понять, что этот человек не в своем уме. Офицер утвердительно кивнул и обратился к солдатам:

— Куда вы смотрели, когда забирали этого типа? Он же идиот! Отпустите его.

— Я не идиот,— проговорил, приподнявшись, наш сосед,— Я прекрасно понимаю все, что говорю. Это не ваша вина, в этом виноват империализм... империализм... империализм...

Весело смеясь, офицер возвратился в свою комнату, и солдаты громко вторили ему.

Двери открылись, наш сосед вышел на свободу. И только на лице у арестованного его солдата выразилось сожаление: ему не удалось вычистить бесплатно свои сапоги.

Когда сосед вошел в дом, жена при виде его в ужасе отшатнулась, а дети заплакали. А он, упав на кровать, шептал разбитыми губами:

— Я не стал чистить ему сапоги и никогда не сделаю этого... Я человек, я помню о своем человеческом достоинстве. Я люблю жизнь и люблю людей.

И слабыми руками он обнял детей и жену.

Перевел с арабского Г. Лебедев